

Донный лед. Рассказы о чудесных спасениях — Нечаев Л.Е.

Дом, где родилась и росла моя мама Мелитина, стоял на окраине города Волхова на самом берегу реки Нугрь. Река Нугрь в Волхове зажата высокими холмами и обрывистыми берегами; здесь она извилиста и быстра.

[Водоворот](#)

[В окружении](#)

[Белый старичок](#)

["Логовце"](#)

[Прямое попадание](#)

[Осколки на постели](#)

[Фон Рик](#)

[Царь голод](#)

[Донный лед](#)

Водоворот

Дом, где родилась и росла моя мама Мелитина, стоял на окраине города Волхова на самом берегу реки Нугрь. Река Нугрь в Волхове зажата высокими холмами и обрывистыми берегами; здесь она извилиста и быстра. Мама — в детстве ее звали ласково Мелькой — научилась отлично плавать и не боялась реки. Но однажды она стала купаться на глубине в незнакомом месте, и ее затянуло в водоворот. Вода тут свивалась, как будто уходила в воронку. Водоворот стремительно закружил Мельку и потянул ко дну. Мелька сначала не испугалась: она была очень сильная и надеялась, что легко выплывет из опасного места; но вырваться ей никак не удавалось, она только лишь барахталась в жуткой воронке, уже едва удерживаясь на плаву. Водоворот не отпускал. Неумолимая сила увлакивала ее в темную глубину, на дно. — Помогите! Спасите! — крикнула она, уже захлебываясь; но берега здесь были безлюдны... Она выбивалась из сил. В самое последнее мгновение, когда уже не оставалось никакой надежды, она успела позвать на помощь Бога: "Господи, спаси меня!" И рванулась в сторону — и словно чья-то рука вытолкнула ее из страшной водоверти... Она доплыла до берега и обессилено села в траву. Ее била дрожь. Губы сделались непослушными, но она все шептала, произнося со страхом и с благодарностью имя Божие...

В окружении

Папу моего звали Евгением. Он был ветеринар, и когда началась война, его взяли в кавалерию. Ему выдали пустую кобуру, а немцы-то наступали на танках да на самолетах... И оказались наши в окружении, в "котле" под Смоленском, под городком Ярцевом. Немец бомбит, а у наших одна винтовка на пятерых... Страх. Солдатику осколком ноги оторвало; он под сосной сидит, каждого просит: "Добей, браток!" А немецкие самолеты "Мессеры" идут и идут волнами; от бомб земля содрогается. Тут и безбожный комиссар на колени упал, Бога о спасении молить стал. Один из командиров собрал колонну наших бойцов и повел ее на прорыв; да напоролась на мощный немецкий десант. Все побежали, и папа тоже побежал. Немцы за ними гонятся, из автоматов строчат. Папа бежит, задыхается, полы шинели разлетаются; а в голове только одно и звучит: "Господи, спаси!.. Господи, спаси!.." Добежал до леса, упал, припал к земле, как к родной матери. Стал прислушиваться: позади все стихло. Долго лежал не шевелясь; а поднялся, стал с шинели листья-хвоинки счищать — глядь: все полы шинели изрешечены пулями, а на нем самом — ни царапины!.. Бог спас и сохранил. Сел он на поваленное дерево, сухарик в лужу макает,

ест, а слезы так и текут по небритым щекам, так и текут...

Белый старичок

Папа в одиночку пробирался из окружения к своим. Вскоре в лесу к нему пристал еще один красноармеец, и они пошли вдвоем. Когда проходили мимо лесной деревни, решили зайти напиться воды; да попали в засаду: немцы выскочили и, толкая их в спины дулами автоматов, повели к своему офицеру. Завели в избу. Офицер взглянул на пленных и сказал: — Am morgen erschieben! Папа немного понимал по-немецки. Офицер приказал: "Утром расстрелять!" — Попить дайте... — попросил папа, с трудом шевеля пересохшими губами. Не дали. Повели в амбар. В это время из амбара вывели на расстрел одного пленного красноармейца. Поставили на огороде. Раздалась короткая автоматная очередь и вслед за ней — громкий самодовольный говор и смех немецких солдат. Расстрел был для них потехой. Папу и его товарища втолкнули в темный амбар и заперли. Папа тотчас принялся ощупывать каждую половину и каждое бревно в стенах. Амбар был крепкий, как литой. — Всё, верная смерть, — сказал папа. И добавил с обидой: — Попить не дали... Ночью, в темноте дверь в амбар отпер и отворил какой-то белый старичок. Был он невысокого роста, весь в белом, с белой бородкой. ("Николай угодничек", — подсказывала потом мама Мелитина). Чудесный старичок широко распахнул дверь, приглашая выйти, бежать. Папа быстро поднялся с пола и шепотом позвал своего товарища. Тот побоялся бежать и остался в амбаре; а папа бежал. Бежал долго, все больше лесом, пока не вышел снова... на ту же деревню! Бросился назад в лес, перешел реку по пояс глубиной и побежал дальше лесом... Потом всю жизнь вспоминал, как его спас от расстрела таинственный, чудесный белый старичок. "Николай угодничек", — всегда добавляла к его рассказу мама.

"Логовце"

Вернулся папа в родной город Орёл, вошел в дом к маме своей Лине, а она его и не узнала: так исхудал он, зарос бородой, усами... — Мама! — Женечка, сыночек!.. Припали друг к другу, зарыдали. — А я ведь, Женюшка, видела тебя — не во сне, а как наяву, — всхлипывая, говорила мама. — Вижу: будто ты в шинелишке своей по пояс в воде стоишь, в реке, что ли... Ну, раздевайся, раздевайся же... Батюшки, вши-то по тебе ползают! Ну, ничего, ничего, мы их скоренько изведем. Главное — жив ты... Дома у папы стала сильно болеть голова. Болела и день, и два, и три. Болела нестерпимо, люто. Думали, что это был менингит, болезнь страшная: воспаление мозговой оболочки. Папа лежал, бедный, и от боли мотал головой то влево, то вправо да стонал непрерывно. Мама плакала, не зная, чем помочь. Врачи сказали, что он не жилец. Однажды же во сне папа увидел Божию Матерь. Он ясно видел Ее, венецсиянье над Ее головою, а лица не видел. Она показала ему на некую выемку, ложбинку, какие бывают в сене, в соломе, и сказала: — Ляг в это логовце! Он лег — и головная боль тотчас прошла. В это же мгновение он проснулся. — Мама! — радостно позвал он. — У меня голова прошла!.. Ко мне Матерь Божия в венце пришла, сказала: "Ляг в это логовце!" — я лег — и голова прошла!.. — Женечка, что с тобой? — испугалась мама, подумав, что он от болезни уже не в своем уме. Когда же она убедилась, что он в здравом уме, то задумалась и опечалилась, решив, что такое посещение к смерти, что логовце — к могилке. А любимый ее Женечка отвечал радостно: — Ничего не знаю. Знаю только одно: видел Божию Матерь в венце, лег, как Она велела, в логовце. Был болен — стал здоров...

Прямое попадание

Мама моя войну провела под бомбами и знала: когда бомба воеет — это значит, что она летит мимо; а самое страшное, когда она завоет — да вдруг вой оборвется и наступит жуткая тишина: тогда бомба летит прямо на тебя. Однажды она пережила прямое попадание... В Орле на станции стояли товарные вагоны с хлебом. Женщины разгружали вагоны за буханку хлеба. Мама тоже ходила разгружать. Носила мешки с маленькими круглыми хлебцами. Часто выла сирена, и все убегали в бомбоубежище, где пережидали налет. В этот же раз, когда завывала сирена, мама оказалась в дальнем углу вагона у последнего мешка с хлебом. Она бросилась к двери, но кто-то, пробегаая мимо вагона, с грохотом задвинул тяжелую дверь. Она закричала, застучала кулаками по двери, но ее не услышали. Все убегали под вой сирены... Мама отошла в угол вагона и села на пол. "У-у-у..." — гудели немецкие бомбардировщики. Мама зажмурилась и стала молиться. Завывала бомба — и вдруг звук ее оборвался. Оборвалось и мамино сердце: бомба летела прямо на нее! Обмерла мамочка, а молитву не оставляет, шепчет в мертвой тишине... Вот ухнуло; вагон качнулся... Не помнит она, сколько просидела так ни жива, ни мертва, только слышались, наконец, голоса, шаги. Дверь отодвинули, увидели ее, сидящую в углу — и ахнули: — Милочка! Бог тебя спас — бомба под самый угол вагона воткнулась и не разорвалась! Да бомбища-то какая здоровенная, выйди погляди... Вывели маму под руку; она как глянула, так и обмерла: как раз под тот угол, в котором она сидела, в землю воткнулась огромная неразорвавшаяся бомба. — Боже милостивый!.. — всплеснула мама руками. Ей дали заработанную буханочку хлеба, и она, прижимая хлеб к груди, побежала к сыночку своему, тогда еще единственному, к младенчику Сашеньке. Сашенька жевал хлебный мякиш и смотрел серьезными серыми глазками на маму, как будто понимая, отчего она плачет и что она шепчет, стоя на полу на коленях.

Осколки на постели

Спасаясь от бомбежек, мама уехала из Орла с сыном Сашей, со своей мамой Марией и сестрой Марусей в какую-то деревеньку. Поселились в доме близ железной дороги; но железную дорогу стали каждую ночь бомбить, и они уходили ночевать в дальний конец деревни, к оврагу, надеясь, что этот конец бомбить не будут. Спали на полу на гнилой соломе вокруг корыта с объедками и пойлом для скота. Утром вставали и возвращались к железной дороге в свой постоянный дом. Немцы бомбили железную дорогу пять ночей подряд. Бомбили ночами, прячась в темноте от зениток. Наконец, бомбежки прекратились, и мамина сестра Маруся стала уговаривать всех не уходить больше на ночь в избу над оврагом, а ночевать в доме у железной дороги. Мама же моя никак не соглашалась, словно ее кто удерживал. — Да ведь больше не прилетают! — убеждала сестра Маруся. — Отбомбились за пять ночей-то... — Нет, нет! — в страхе отвечала мама, приживая к груди Сашу. Ночью снова налетели бомбардировщики. А утром, когда пришли с ночлега в дом своего постоянного жительства, увидели, что в него попала осколочная бомба и кровать моей мамы вся пробита крупными тяжелыми осколками... — Бог удержал тебя, а ты удержала нас, — сказала маме ее сестра Маруся. Все притихли и стали осенять себя крестным знаменем.

Фон Рик

Отступая, немцы захватывали и уводили с собой — пешком и на повозках — множество мирных жителей. Увели и мою маму с Сашей на руках, с маленькими племянницами Ларисой и Галей. Маму хотели угнать в Германию, но не стали, видя, что она с тремя младенцами. Мама чем-то поранила пальцы, и у нее началась флегмона, гнойное воспаление. Болезнь была опасная — ей могли отнять пальцы, руку, и она могла даже умереть. У нее поднималась температура, и она уже теряла сознание. В то время ее и троих деток, жавшихся к ней, заметил некий человек, точно посланный Богом. Это был немецкий профессор, доктор фон Рик. Высокого роста, широкоплечий, красивый, он остановился около нашей мамы и с грустью и с состраданием смотрел на нее и на деток. Взгляд его упал на ее руку. Он осмотрел ее и велел немедленно ложиться на операцию. — Следуйте за мной в операционную, — сказал он. — Промедление грозит смертью. Это происходило где-то в лесу. Она помнит только, что лежала на операционном столе в каком-то подвальном помещении, может быть, в землянке. Профессор вскрыл воспаленные пальцы и очистил их от гноя. Медицинская сестра накладывала на пальцы повязки, а доктор говорил о том, что больной после операции требуется постельный режим и усиленное питание. Он дал маме для восстановления сил горсть леденцов-таблеток. — Спасибо, доктор, — слабым голосом поблагодарила она. — Если можно, я отнесу это деткам... — Нет, нет, это вам! — возразил профессор. — Спасибо, доктор. Только я лучше деткам... Доктор удивленно посмотрел на нее. Ведь ей после операции нужно было поддержать свой организм... Еще больше поразило его то, что она отказалась лежать и сразу с операционного стола заторопилась к детям. — Куда вы? Вам пока нельзя. Опасно... — говорил он, видя, как она, встав, чуть не упала. — Впрочем, — добавил он тихо и печально, — как хотите... Я понимаю: дети. У меня на фронте погиб... сын... Он отвернулся. Мама, постояв несколько, тихо вышла, сопровождаемая медсестрой. Она увидела одиноко стоявшего Сашеньку, ожидавшего ее. — Мамочка! — обрадовался он, и обхватил ее, и прижался лицом к ней. — Я так боялся за тебя... Я бы ждал тебя здесь всегда, всю жизнь... Так Бог спас маму через доброго человека. Белые шрамы вдоль пальцев остались у нее на всю жизнь.

Царь голод

После войны голод был. Люди умирали прямо на улице; тела их подбирали и увозили на санках. В эту пору жил уже и голодал и я. Нас у родителей тогда было двое: Саша и я; но кормили они также племянниц: Ларису, Галину, Валентину... Одна из племянниц, Валя, совсем обессилела и слегла. От голода у нее отекали ноги. Она умирала. Безжалостный Царь Голод забрал бы ее от нас, если бы не наш папа. Однажды он принес... яичко! Да, да — самое настоящее куриное сырое яичко! Это было чудо. За яичко тогда люди отдавали все свои драгоценности, золотые украшения, меховые одежды... Этим яичком папа выходил Валю. Он давал ей пить яичко по капле с кончика чайной ложечки. Человеку, который долго голодал, нельзя давать сразу много пищи — от этого он может умереть. Поэтому папа скармливал драгоценное яичко по капле. И Валя ожила, к ней стали возвращаться силы! Сильнее Царя Голода оказалось чудесное яичко, посланное Богом через нашего папу...

Донный лед

1 После войны мы жили в городе Луцке на берегу реки Стырь. Нас у родителей было уже трое: Саша, я и совсем маленькая Аллочка. В Луцке с нашим папой случилась беда. Дело было, кажется, в марте. Снег уже стаял, а земля все еще была скована морозом. Папа выпил с товарищем водки, захмелел и, заметив велосипед, приставленный кем-то к крыльцу магазина, сказал товарищу: — Хочешь, покажу, как я катаюсь на велосипеде? И только он сел на чужой велосипед, чтобы прокатиться, как из магазина выбежал владелец велосипеда, поляк, и закричал: — Держите его, держите! Он угнал мой велосипед! Тут и милиционер подвернулся, в свисток засвистел. Как ни доказывал папа и его товарищ, что это была не кража, а всего лишь безрассудство, мальчишество, поляк с милиционером слышать ничего не хотели. — Под суд его, под суд! — возмущенно требовал поляк. И милиционер

повел нашего папу в отделение милиции. А дело по тогдашним временам было нешуточное. Только что вышел указ, по которому даже за мелкое хищение суд давал двадцать пять лет тюрьмы. Услышав, что папа оказался в заключении и его ждет следствие, суд и тюрьма, мама всплеснула руками: "Боже милостивый!" — и в чем была — в платье да в кофточке — бросилась к двери. Да тотчас кинулась назад к нам, притихшим, почуявшим неладное. И снова метнулась, как птица, к двери... Так и побежала раздетая, думая только лишь о том, что надо во что бы то ни стало выволить бедную, неразумную головушку, выволить немедленно... Кто еще поможет ему, кроме нее? Идти нужно было за речку. На берегу на миг остановилась. Страх охватил: выдержит ли лед?.. Перекрестилась и, надеясь на Бога, пошла-побежала по льду. И уже прошла середину реки, как лед под ней провалился... Душа ее прынула тогда к нам, к детям, и в следующее мгновение — в темницу к папе. — Господи! — только и успела вымолвить она, уже уйдя под воду по подбородок, — и в этот миг ступни ее уперлись во что-то твердое!! Это было не дно, dna ей тут было не достать — она знала, так как плавала тут летом! Придерживаясь руками за края льда, она стала звать на помощь. Из домика на берегу выбежал лодочник. Он подсунул к ней длинную доску, вытащил маму из реки и привел ее в свой домик. Волосы ее на морозе успели превратиться в сосульки. — Ну, матушка, Бог тебя спас, — говорил лодочник. — В донный лед ты ногами уперлась... Бывает, старый лед тонет и в глубине держится. Вот чудото какое... Отжав одежду и едва обсохнув, мама набросила на плечи предложенное лодочником пальтецо и... помчалась-полетела выволить своего любимого Женюшку, нашего папочку... **2** Вызволение оказалось делом нелегким, долгим. Изо дня в день мама обивала пороги разных казенных домов, просила, умоляла отпустить отца-кормильца троих детей... И Бог смилостивился и послал ей союзника и помощника в лице... того самого поляка, который отдал папу под суд! Услышав, что по его вине трое детей остались без кормильца, пан поляк побледнел и в страхе воскликнул: — Матерь Божия! Что я натворил! Он тотчас поспешил в милицию, чтобы забрать свое заявление. Заявление ему не отдавали, а он просил и просил со слезами на глазах: — Умоляю, отпустите этого несчастного человека! Я был немилосерден к нему — и теперь Бог не помилует и меня... В эти дни мама часто оставляла нас дома одних: сама бегала то с передачками к бедному папочке, то по казенным домам. Когда мы оставались одни, к окнам нашего дома подходил пан поляк. Он просовывал нам в форточку то кольцо колбаски, то пирожки, то кулечек карамелек. Мы стояли у подоконника и ели, а он смотрел снаружи на нас, и по щекам его катились слезы. — Ах, что я натворил! — все повторял он, сокрушенно качая головой. — Простите меня, детки — тогда, может, и Бог простит меня... Наверно, наши младенческие сердца простили этого доброго человека. Бог смилостивился и над ним, и над всеми нами — смягчил сердца следователей, и папу отпустили.